

На правах рукописи

Разаускас Дайнюс

**Лексико-семантический анализ
мифологических концептов:
символика «рыбы»
в балто-славянской традиции**
(с привлечением индо-иранских данных)

Специальность 10.02.03 – славянские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва, 2004

Работа выполнена в Отделе типологии и сравнительного языко-
знания Института славяноведения Российской академии наук

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор С.Ю. Неклюдов
кандидат филологических наук, доцент В.П. Казанкене

Ведущая организация – **Институт лингвистических исследований РАН** (Санкт-Петербург)

Защита диссертации состоится **1 февраля 2005 г.** в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 Москва, Ленинский проспект 32а, корпус "В", 9 этаж (ауд. 901–902)*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН

Автореферат разослан 23 декабря 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Н.М. Куренная

Актуальность темы

В словнике архетипической модели мира лексема-концепт «рыба» является важной составляющей. В различных традициях, от архаических до современных, образ-символ рыбы нашел отражение в многообразных сюжетах, мотивах и жанрах. В определенном смысле, на рыбе как на фундаменте (ср. мотив рыбы, которая держит на себе землю) можно строить картину мира в отдельных традициях. Построение цельной картины мира – тема сейчас более чем популярная, связанная, в частности, с формированием менталитета и этнокультурной самоидентификацией. Выбор балтийской и славянской традиции ставит целью проследить общие и индивидуальные черты, подводящие к реконструкции балто-славянской картины мира. Далее, от балто-славянской картины мира, составляемой из фрагментов, представленных в мифах, обычаях, ритуалах, мы переходим к картине общего мифопоэтического универсума. И, таким образом, восстанавливая по одной детали, по одному фрагменту «целый организм» (Элиаде 1999, 25), мы пытаемся реконструировать целое. В нашем случае такой основной «деталью» является «рыба».

До сих пор, к сожалению, исследованиям концепта рыбы уделялось незаслуженно мало внимания. Так, нам неизвестно ни одно исчерпывающее исследование, посвященное анализу этого концепта в балто-славянской традиции. Восполнение этой лакуны является наиболее актуальной задачей настоящей работы. Все существующие работы, касающиеся этой тематики (подробнее о них см. ниже), концентрировались или на фольклорном материале, или на лексике славянских языков. В данной работе разного рода материалы включаются в единую систему. Особенностью данного исследования также является введение в рассмотрение до сих пор не привлекавшегося фольклорного и лексического материала балтийских языков в сопоставлении со славянскими. Привлечение исторических источников по мифологии балтов и славян дает наиболее полную картину анализируемого концепта.

Метод исследования

При столкновении с разнородным и разрозненным материалом – реалии, тексты, лексические данные, исторические сви-

детельства – сложно привести его к «общему знаменателю» и получить в результате единое целое. В данном случае выбран семиотический метод, вобравший в себя многообразие подходов и одновременно с этим дающий возможность пользоваться единообразным научным аппаратом. Если, как уже отмечалось выше, каждый факт народной традиции воспринимать как интегральное составляющее некоторого целого, то реконструкция одного мифологического объекта может стать основой для построения гипотетической модели мира.

Под гипотетической моделью в данном случае подразумевается некое вполне исторически реальное, осязаемое целое, которое сохранилось до нашего времени не полностью, а лишь в виде отдельных фрагментов, которые и подвергаются реконструкции. К реконструкции мы прибегаем и в том случае, когда исследуемая традиция до сих пор жива (или была жива до самого последнего времени), но в настоящем существует в виде множества отдельных фрагментов и вариантов, не образующих какого-либо связного целого. Речь идет о так называемой народной, или фольклорной, традиции, с одной стороны, уходящей своими корнями в глубокое прошлое и сохраняющей в себе его осколки, с другой же стороны, никогда не достигающей завершенных форм, однозначных и конечных. В этом случае реконструируется не что-то конкретное, имевшее место в прошлом и утерянное для настоящего, а нечто по самой своей сути абстрактное, никогда не имевшее конкретного воплощения иначе, как в виде разрозненных фрагментов, и тем не менее совершенно реальное, если не сказать живое.

Лучшим примером этому может служить так называемый «основной миф», сформулированный Вяч.Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым (Иванов, Топоров 1974) на основании множества данных балто-славянской и, шире, индоевропейской традиции и находящий многочисленные типологические параллели в самых разных традициях мира. Однако спросив об «основном мифе» у носителя традиции, мы, естественно, оставим последнего в полном недоумении. И тем не менее «основной миф» находит себе подтверждение на основе независимого, не привлекавшегося авторами при разработке концепции материала, например, словенского (см. Михайлов 1996), обосновывая таким образом состоятельность заведомо условных построений.

«Основной миф» привлекается в качестве основополагающей схемы и в настоящем исследовании, однако в данном случае

он нас интересует в первую очередь как пример совершенно реальной реконструкции не существующего и никогда не существовавшего в осязаемом виде прообраза, заставляющий задаться довольно-таки странным на первый взгляд методологическим вопросом: «где», собственно, «находится» реконструируемый миф или другой целостный факт фрагментарной, вариативной фольклорной традиции, притом устной (несмотря на внешнюю по отношению к ней письменную фиксацию), до того как он был сформулирован исследователем? Разумеется, всегда только в потенции – собственно, в коллективном (в буквальном смысле) бессознательном народа, если пользоваться терминами аналитической психологии К.-Г. Юнга. И это «что-то по самой своей сути абстрактное, никогда не имевшее конкретного воплощения иначе, как в виде разрозненных фрагментов», которое воссоздается и осознается при реконструкции, представляет собой архетип коллективного бессознательного соответствующей традиции, интегрируемый таким образом в сознание (см. Элиаде 1999, 410-412; о понятии архетипа в религиоведении и этнологии, по существу совпадающем с понятием его в аналитической психологии, несмотря на имевшие место попытки их строгого различения, см. там же и 394).

В данном случае сказанное относится к методологии исследования традиционной символики вообще и символа рыбы в балто-славянской традиции в частности.

Согласно известному последователю Юнга Дж. Хиллману, никакие «археологические раскопки не помогут нам, если наше психологическое осознание не достигнет равной глубины. Иногда мы можем сделать это наше осознание более утонченным путем размышлений над сравнительными фактами психологии. И то, о чем не говорят тексты, мы, может быть, будем в состоянии реконструировать на основе контекста архетипического опыта» (Hillman, 56). Речь идет, попросту говоря, о том, что для реконструкции такого рода недостаточно собрать определенное количество фактического материала, но необходимо проникнуть в глубину самого мифопоэтического мировоззрения или, скорее, даже мироощущения, архаичного и архетипичного по самой своей сути.

Объект исследования

В первую очередь мы обращаемся к восточнобалтийским, т.е. литовской и латышской, традициям, и к восточнославянской,

преимущественно к русской традиции. Однако привлекаются данные и из других балтийских (т.е. древнепрусской, известной нам лишь по исторически засвидетельствованным источникам) и славянских традиций.

В работе использованы все доступные виды источников, как исторические свидетельства и фольклорные материалы, так и языковые данные, которым уделяется особое внимание вплоть до выдвижения в определенных случаях предпосылок для решения вопроса об этимологии отдельных лексем. Используются также тексты всех жанров фольклора, в каких только обнаруживаются какие-либо данные о рыбе: народные песни, как обрядовые, так и эпические, сказки, этиологические сказания, легенды, былички, поверья, загадки, поговорки, заговоры и т.д. Используемый материал группируется в первую очередь по семантическому признаку, т.е. по отношению к определенному семантическому составляющему символа «рыбы», и лишь внутри описания этого отдельного свойства распределяется по жанрам и по принадлежности к той или другой традиции.

Разумеется, не все семантические составляющие символа «рыбы» одинаково отражены в разных рассмотренных традициях, а также в разного вида источниках. Отдельные значения символа рыбы неравномерно распределяются и по фольклорным жанрам. Например, душа умершего уподобляется рыбе чаще всего, естественно, в плачах, а невеста – будущая мать сопоставляется с рыбой чаще всего в свадебных песнях, мотив рождения героя из съеденной его матерью рыбы встречается в первую очередь в сказках, а образ рыбы-скота – в быличках и т.п. Однако, как правило, сходные фольклорные мотивы обнаруживаются одновременно в нескольких жанрах, притом в разных в зависимости от конкретной традиции.

В работе также проводятся сопоставления балто-славянских данных о «рыбе» с данными из других традиций. Для этого привлекаются как прямые источники по мифологии и фольклору соответствующих традиций (например «Калевала» из финской традиции, одной из самых близких балто-славянской географически, или «Ригведа» и др. из древнеиндийской, отдаленной в пространстве и времени, но зато связанной с балто-славянской генетически), так и исследования, приводящие факты, касающиеся «рыбы» в этих традициях. Такие сопоставления позволяют устано-

вить типичность или же исключительность отдельных балтославянских мифологических сюжетов или мотивов с участием рыбы.

Богатый материал по символике рыбы из христианской и предшествовавших христианству традиций, собранный в первую очередь в трудах Дёлгера (см. Dölger) и Шефтеловица (см. Scheftelowitz), приводит К.Г. Юнг в своем труде «Aion: Исследование феноменологии самости» (Юнг 1997), посвященном по преимуществу именно символу «рыбы». И хотя непосредственно балтославянской традиции Юнг не касается, разработки Юнга по символике «рыбы» в указанных традициях служат нам своего рода введением в проблематику и подступом к непосредственному объекту нашего исследования.

За данными о «рыбе» в разных традициях мира, в том числе балтийских и славянских, мы обращаемся к трудам (см. в списке литературы и источников) А.Н. Афанасьева, У. Беккера (см. Becker), Х. Бидерманна (см. Biedermann), Н. Велюса (см. Vèlius), Т.В. Гамкредлидзе и Вяч.Вс. Иванова, Дж. Джоубс (см. Jobs), Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова, А.Н. Мещерякова, Л.Г. Невской, Т. Оупи и М. Татем (см. Orie, Tatem), А.А. Потебни, В.Я. Проппа, М.А. Рэдфорда и Е. Миненка (см. ЭС), Э.Б. Тайлора, В.Н. Топорова, Дж. Тресиддера, Дж.Дж. Фрэзера, А. Фриза (см. Vries 1976); М. Элиаде (см. также Eliade), также см. МНМ I, II; СБ; Chevalier, Gheerbrant; DS; FW; Herder и др. Используются также следующие этимологические словари: Фасмер; Черных; Chantraine; Fraenkel; Frisk; Karulis; Klein; Mayrhofer; Mažiulis; Pokorny; Walde, Hofmann; Vries 1962.

Данные о рыбе в славянских традициях взяты из работ О.В. Беловой, Л.Н. Виноградовой, А.В. Гуры, В. Даля, Л. Дучыц и С. Санько, М. Забылина, Н.А. Криничной, Е.Е. Левкиевской, В.М. Мокиенко, Н.В. Павлович, Б.А. Успенского, а также в изданиях НРС, РЗЗ, РНПО, РНПЭ, РС, РФ, СД, СМ, SSS и др. Основным источником по ихтиологической лексике славянских языков послужила фундаментальная работа В.В. Усачевой «Славянская ихтиологическая терминология: Принципы и способы номинации».

Материалы о рыбе в литовской традиции в своих работах приводят К. Буга, Л. Бугене (Būgienė), Н. Лауринкене (Laurinkienė), В. Маннхардт (Mannhardt), Н. Велюс (Vèlius); основные используемые источники – Balys I–IV; BE; BLP I, II; BRMŠ I–III; BV; DŽT I, II; Elisonas; Grigas; KAŽ; KLT; LD; LKPŽ; LKŽ; LT II–IV; MS; PP; PSO; Rėza; RSPS; SLT; SV; ŠLP; ŠLSA; TŽ I–V; VKLT и др. Материалы о рыбе в латышской традиции приводят

Я. Курсите (Kursīte), К. Страубергс (Straubergs), П. Шмитс (Šmits), основные источники – BDS (электронный вариант собрания латышских народных дайн К. Барона «Latvju dainas» в Интернете); LTT; Ltt; TPD.

Цель и задачи исследования

Разумеется, литература и источники по «рыбе» в балто-славянской традиции (не говоря уж о других) далеко не исчерпываются приведенными выше. Данные о «рыбе» разбросаны по самым разным источникам, и потенциальное количество их, как показал опыт, угрожает возрасти до бесконечности. Тем не менее мотивы, в которых принимает участие «рыба», с определенного момента фактически перестают умножаться и лишь повторяются из источника в источник. Естественно, для получения каких-либо статистических выводов о распределении и частоте отдельных мотивов как в отношении разных традиций, так и в отношении разных жанров, следовало бы изучить по возможности весь доступный материал. Однако мы вовсе не ставили перед собой такой цели; наша цель, как ясно из заглавия работы, – именно с и м в о л и к а рыбы в балто-славянской традиции, исследование которой отнюдь не стоит в прямой зависимости от количества источников, а скорее связано с классификацией материала по основным, наиболее ярко выраженным мотивам. Выявление таких мотивов, как общих, так и частных, – основная задача данного исследования.

Но выявлением того мифопоэтического «каркаса», который позволил бы объединить разрозненные частные данные о «рыбе» в балто-славянской традиции, задачи исследования не исчерпываются. Предстоит еще установить факт отражения символики «рыбы» в балто-славянской ихтиологической лексике и возможность ее использования при изучении последней.

Новизна и научная ценность работы

Символика рыбы в балто-славянской традиции, если не говорить об отдельных главах, посвященных «рыбе», в работах более широкого профиля, как, например, «Символика животных в славянской народной традиции» А.В. Гуры (см. Гура) или «Латышский фольклор в зеркале мифов» Я. Курсите (см. Kursīte), до

сих пор специально не исследовалась. По меньшей мере в этом отношении настоящая работа является новой.

Теоретическая ценность работы состоит, во-первых, в до сих пор не предпринимавшейся попытке реконструкции фрагмента балто-славянской мифопоэтической традиции, связанного с концептом «рыба». Во-вторых, выявляются семантические предпосылки для определения этимологии целого ряда балтийских и славянских ихтионимов и, таким образом, показывается необходимость при исследовании лексики, относящейся к какой-либо сфере традиционной картины мира, учитывать данные мифопоэтического порядка.

Апробация работы

Отдельные части и фрагменты работы были использованы при публикации отдельных статей (см. список опубликованных работ по теме диссертации), представлены в виде докладов на многочисленных конференциях. Диссертация обсуждалась на заседании Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН.

Основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы и источников.

Во *Введении* оговариваются методологические основы, структура работы и источники.

1) *Первая глава «Ядро архетипа „рыбы“»* состоит из двух частей, первая из которых, *«Рыба – Спаситель»*, является введением в проблему. В ней излагаются основные результаты исследования символики рыбы К.Г. Юнгом, полученные им на базе данных наиболее влиятельных дохристианских и христианской (в том числе апокрифической) традиций. Стержнем приводимого Юнгом материала и его интерпретаций является факт уподобления рыбе самого Спасителя, вплоть до того, что буквы греческого слова 'рыба' (*ichthys*) воспринимаются как акроним слов *Iēsūs Christòs Theū Yidòs Sōtēr* 'Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель', при этом эмблема рыбы в качестве тайного знака Иисуса Христа присутствует на печатях и лампадах в римских катакомбных церквях и т.п. Повод для такой символики дают уже Евангельские тексты: гово-

рится о чудесной ловле рыбы при участии Иисуса; сам Иисус проводит аналогию между ловлей рыбы и обращением людей в новую веру (отсюда и „кольцо рыбака”, которое носит Папа Римский); рассказывается о кормлении пяти тысяч людей пятью хлебами и двумя рыбами; новообращенных крестят водой. Притом крещение на латинском языке называлось *piscina* («садок для рыбы»), а новообращенные – *pisciculi* («рыбки»). И т.п. Однако функция «спасителя», или «чудесного помощника», приписывается рыбе уже в целом ряде дохристианских и нехристианских традиций – например, в иудаизме (в Талмуде мессия обозначается как *Dag*, ‘Рыба’), в буддизме (Будда выступает в образе рыбака), в индуизме (рыба спасает Ману от потопа) и др., – в чем состоит предпосылка, как непосредственно генетическая, так и типологическая, для возникновения христианского образа Христа-рыбы. Например, по замечанию Юнга, «рыба Ману выступает с п а с и т е л е м, в легенде идентифицируемым с Вишну, принявшим облик небольшой золотой рыбки» (Юнг 1997, 130).

Но христианский Спаситель, как известно, есть воплотившееся Слово. В свою очередь, во многих до- и не-христианских традициях рыба в роли «чудесного помощника» обладает речью, способностью говорить, и не просто говорить, а вещать, передавать человеку особого рода (волшебное, магическое, духовное) знание. Так, древнеиндийский Вишну в облике рыбы предупреждает Ману о потопе словом и учит его необходимым для спасения приготовлениям на человеческом языке; в соответствующем предании бхиллов Рама, узнав, что спастись человеку посоветовала рыба, велел вырезать ей я з ы к и т.п. Об этом говорится во второй части первой главы **«Рыба вещая – источник знания и чудесный помощник».**

При этом свойства такого рода мифическая рыба обнаруживает и в балто-славянской традиции: в известной сказке пойманная «золотая рыбка» (ср. выше сопоставление Юнгом «золотой рыбки» с рыбой, спасшей древнеиндийского Ману) говорит человеческим голосом и непосредственно спасает героя сказки из создавшегося затруднительного положения; или же ср. щуку из другой известной сказки, которая обращается к пойманному ее герою на человеческом языке с просьбой отпустить ее обратно в воду, за что обещает ему свою волшебную помощь, что в некоторых вариантах сказки принимает вид передачи особого рода знания. Например, в одном литовском варианте рыба говорит: *Jeį mane*

paleisi, tai aš išmokysiu tave tokius žodžius, kad ištarsi – viską, ką tik sau žičysi, stosis ‘Если меня отпустишь, я научу тебя таким словам, что произнесешь – все, что только пожелаешь, сбудется’ (RSPS, 75, № 35) и т.п.

Наконец, в некоторых быличках именно рыбам приписывается «изобретение» песен, в чем можно усмотреть представления о началах мифопоэтической традиции; в балтийской и эстонской традициях известны гусли в форме рыбы; карельский Вайнямёйнен изготавливает гусли из рыбьих костей; русский былинный Садко сам ублажает игрой на гуслиях «Морского царя» и т.п.

2) *Вторая глава* под заглавием «*Рыба в связи с символической нижней мира*» тоже состоит из двух частей, первая из которых – «*Рыбный король-пастух и его паства*» – посвящена одному из самых популярных в балто-славянской традиции мотиву «рыбьего» («рыбного») короля, который в то же время является «рыбным пастухом». Ср. такие названия рыб, как рус. *королек* ‘особая разность плотвы с красной чешуей’ или ‘осетр с икрой белого цвета’, *царек* ‘помесь карпа и карася’; укр. *король* ‘зеркальный карп’, *царьок* ‘серебряный карась’, *цар* ‘ёрш’, буквально *риблячий цар* ‘чоп’ (Закарпатье); с.-хорв. *caric* ‘ёрш’, *riblji car* ‘белый угорь (*Anguilla vulgaris forma alba*)’; чеш. *králík* ‘карп, у которого по бокам три ряда чешуи’ и т.п.; а также рус. *конюх* ‘уклейка’, ‘пескарь’, с.-хорв. *говедар(ка)* ‘пескарь’, ‘щиповка’, *говедарац*, *говедарак*, *говедарица* ‘пескарь’, болг. *говедарка* ‘пескарь’, ‘быстрянка’ и т.п. (см. Усачева, 150-151). Мифологический «рыбный король-пастух» властвует над рыбой в водоеме и «пасет» рыбу, которая, в свою очередь, выступает в качестве его «скота»: свиньи, коровы, лошади и т.п.

В одном из самых распространенных быличных сюжетов человек ловит рыбу, а из водоема раздается крик «Отдай мою свинью!» или т.п., например, в латышской быличке:

Netālu no Taurkalnes ir kāds ezers, ko sauc par Aklezeru. Zivis tur tagad neaug, un arī senāk neesot augušas. Senāk kāds zvejnieks atcirtis aliņģi tad, kad zivis slāpušas. Viņš izvilcis vienu zivi, kas bijusi ar strupu asti. Zvejnieks sakūris uguni un gribējis zivi cept. Te no ezera dibena atskanējusi balss: „Cūk, cūk, lielā, cūk, cūk, mazā, cūk, cūk, visu maziņā, visas cūkas ir, tik strupašķes nav.” Zivs mudīgi nometuses no uguns un pa āliņģi ielēkusi ezerā ‘Недалеко от Тауркалне находится озеро, которое называют Аклезерс. Рыба там сейчас не

водится, и раньше не водилась. Раньше один рыбак рубил прорубь, когда рыба задыхалась. Он вытащил одну рыбу с коротким хвостом. Рыбак развел огонь и хотел уже рыбу жарить. Но тут со дна озера раздался голос: «Чух, чух, большая, чух, чух, маленькая, чух, чух, всех малей, все свиньи здесь, только короткохвостки нет». Рыба живо бросилась от огня и через прорубь ушла в озеро' (ЛТТ, 207).

Иногда удается принести рыбу домой и даже сварить, однако ночью, когда «рыбный пастух» заявляет на нее свои права, все равно приходится принести ее обратно и бросить в воду.

Указания на уподобление рыбы скоту имеются и в исторических свидетельствах по балтийской и славянской мифологии, и в некоторых народных песнях, например, в следующей литовской:

<i>Išbėg' išbėgo</i>	‘Выбегали
<i>Iš Rusnės kiemo</i>	Из села Русне
<i>Du jaunu žvejytėliu.</i>	Два молодых рыбацка.
<i>Jie leido leido</i>	Они пускали
<i>Plonus tinklelius</i>	Тонкие сети
<i>Padumo vidurėly.</i>	Посреди пучины.
<i>O ir sugavo</i>	А и поймали
<i>Dyvnai tinkleliais</i>	Дивно сетями
<i>Du jūrių veršiukėliu.</i>	Двух морских телят.
– <i>Ai drauge, drauge,</i>	– Ой друг дружище,
<i>Tavorščiau mano,</i>	Товарищ мой,
<i>Kas tai dyvų žuvelės?</i>	Что за дивные рыбки?’

(Rėza, 111, № 32).

Представления о рыбе как о скоте – надо полагать, скоте «рыбного пастуха» – также отражаются в балто-славянской ихтиологической лексике: ср. рус. *сви́ночка* ‘донской ёрш’, укр., блр. *свинка*, пол. *świnia, świnka*, слвц. *švinka* ‘подуст’, укр. *свинюга* ‘краснопёрка’, с.-хорв. *свиња риба* ‘осетр’, *прасица* ‘усач’; рус. *бык-рыба* ‘бычок-подкаменщик’, слвц. *bul’* ‘жерех’ (букв. ‘бык’), лит. *builis* и *jūros būlius* ‘керчак’, буквально ‘бык’ и ‘морской бык’; рус. *ко́нь*, *кобыла*, блр. *ко́нь*, укр. *кобила* ‘жерех’, рус. *ко́нь* ‘белорыбица’, пол. *kobyła* ‘сырть’, рус. *лошадиный выюн* ‘выюн’ и т.п. (см. Усачева, 121, 129, 137, 157-158 и др.).

С «рыбным пастухом» в силу целого ряда соответствий можно связать и фигуру рыбы-спасителя (ср. в связи с этим рус. *спасти* < *пасти*, равно как и лит. *išganyti* ‘спасти’ < *ganyti* ‘пасти’),

а христианский Спаситель-рыба является «пастырем народов». «Паствой» «рыбного пастуха», в свою очередь, оказываются человеческие души, которые после смерти превращаются в рыб. Убедительную параллель соответствующему происхождению и последующему развитию мотива мы находим в древнеиндийской традиции, где повелитель подводного царства мертвых Варуна, который изображается сидящим на рыбе и который сам иногда принимает облик рыбы, в то же время является пастырем и спасителем душ.

Таким образом мы вплотную подходим к следующему широко распространенному мотиву, соотносящему рыбу с душами умерших, с подводным миром мертвых, их владыкой и связанными с ним хтоническими существами, в первую очередь – со змеей. Вторая часть второй главы поэтому названа «*Рыба – хтоническое существо, смерть*».

О том, что утопленник или вообще умерший превращается в рыбу, существует очень богатый материал. См., например, литовскую песню:

*Kad taip nekenti manęs, motušė,
buvo mažą n'auginti:
buvo nunešti, buvo įmesti
į gilų ežerėlį.
Ten būčiau buvusi paskenduolėlė,
Žuvelių draugalėlė.
Ten būt žuvavę žveju žmoneliai
su šilkiniu tinkleliu:
ten būt sužvieję, ten būt sugrieję
už margą lydekėlę.
Tai būč buvusi žveju mergelė,
pajūriškių martelė.*

‘Раз так меня ненавидишь, матушка,
[надо] было [меня] маленькую не растить:
[надо] было отнести, [надо] было бросить
в глубокое озеро.
Там была бы я утопленницей,
подружкой рыбок.
Там бы рыбацьи люди рыбу ловили
шелковым неводом:
там поймали бы, там словили бы
[меня] как пеструю щучку.
Вот была бы рыбацье-невестушкой,
рыбачье снохой’ (SDŽ, 41, № 9).

Отголоски подобных представлений мы можем найти и в других жанрах: в сказках, в поговорках [например, в России об утонувшем говорили: *Ушел в ершеву слободу* (Даль I, 522)] и т.п. К тому же у славян, в первую очередь у западных, широко распространены представления о том, что души утопленников превращаются в водяных: ср. пол., словац. *topielec*, буквально ‘утопленник’, полес. *топленик*, у западных украинцев *топельник* и т.п. (СД

I, 396, см. 397). При этом у поляков «водяной, которым становится некрещеный утопленник, иногда принимает облик осетра» (Гура, 755), т.е. рыбы. В свою очередь, славянский водяной, как, впрочем, и балтийский, не только часто принимает облик рыбы, но и уподобляется нечистой силе, как в следующей русской быличке:

Водяной – так это водяная сила. У нас тут тоже потонул мужик, а жена поехала тело разыскивать. Там, в Данилово живет Ольга Васильевна Якимова, у нее мужик потонул, она и поехала вместе со свекром. Вот та баба, которая умела вызывать лешего, вот она и водяного вызывала. Вызывала водяного, и она этой Ольге Васильевне написала записочку – так и так, чтобы тело найти. Вот они в лодку сели и поехали. Как только выехали, она эти слова, что ей написали, три раза прочитала, и вот щ у к а такая б о л ь ш и х а н с к а я нырнула под лодку, и надо было им за этой щукой плыть, она бы их привела к утопленнику. Они испугались и вернулись. Да нет, тут уж не щука была. Она вызвала водяного, это в о д я н о й щ у к о й оказался. Да уж в леца или в налима он не превратится, а щука – рыба хищная. В щуку может превратиться не ч и с т а я с и л а (Левкиевская, 344-345).

В литовской традиции в рыбу может превратиться противник громовержца Перкунаса – Вяльняс (черт):

Kitą kartą labai griauštinis griovęs. Mergelėėjus per lauką, sijono padalkas atsikaišius, o žaibai taip pliekę jai į akis, taip pliekę. Išgirdus balsą: „Pasileisk sijoną!“ Ta mergelė pasileidus ir iškrięs lydeks. Paėjus kelis žingsnius, tuoj taukšt Perkūns į tą lydeką, ir gana ‘Один раз очень сильно гремел гром. Девушка шла по полю, приподняв подол юбки, а молнии так хлестали ей в глаза, так хлестали. Услышала голос: «Опусти подол!». Девушка опустила, и выпал шупак. Прошла несколько шагов, тотчас ударил Перкунас в этого шупака, и все’ (Balys IV, 137, № 4).

О латышском противнике громовержца Пяркуонса – Вяльнсе, в свою очередь, говорится, что *Pērkona laikā viņš pārvēršas par melnu kaķi un slēpjas pie cilvēka. Akās viņš dažreiz pārvēršas par zivi* ‘Во время грозы он превращается в черную кошку и прячется у человека. В колодцах он иногда превращается в р ы б у’ (Lit, 1944, № 32411). Наконец, в начале одного литовского сказания прямо сказано, что *Žuvis yra priešinga Dievui* ‘Рыба противоположна Богу’ (KAŽ, 77, № 137).

Рыба противопоставлена Богу и громовержцу по самому месту своего обитания – (под)водному царству, расположенному внизу, на нижнем конце оси вертикальной модели мира. С таким ее положением, с другой стороны, связаны представления о том, что на «большой рыбе» покоится земля, в каковой роли хорошо известна змея. Но рыба и непосредственно уподобляется змее – известному противнику Громовержца в «основном мифе», в частности, и в соответствующей ихтиологической лексике: ср. такие названия рыб, как рус. *змéярыба* ‘O p h i d i u m barbatum’, *зме́йка* ‘рыба из рода бычков, *Gobius o p h i o cephalus*’, названия миноги рус. *змея-рыба*, *червяга*, укр. *hadyna*, *вуж*, блр. *вужака*, пол. *waż*, *żmija*, с.-хорв. *змијуца*, *змијуљица* / *zmijuljica* и др.; рус. *водяная змея* ‘щиповка’, с.-хорв. *zmiјавас*, *zmiјарка* ‘голец’, *zmiјеніса* ‘щиповка’, *змиуљан* ‘вьюн’, болг. *змиџка*, *змиорка*, *змиорче*, *зъмџрча*, *зъмина*, *зъмурка* ‘вьюн’, *змиорка*, *змиорче*, *змиурка*, *змиурче* ‘щиповка’, макед. *змијарка* ‘щиповка’ и т.п. (см. Даль I, 686; Усачева, 52, 94, 157, 158), не говоря об угре.

Наконец, в виде большой рыбы, разверзшей пасть, иногда представляется преисподняя и сама смерть. Эту чудовищную рыбу, как правило, побеждает проглоченный ею мифический герой, например, разжигая в ее чреве огонь и т.п. При этом иногда герой таким образом не только спасается сам, но и освобождает «из рыбы» других ее жертв. Следовательно, здесь мы опять находим спасение и спасителя, только в роли последнего теперь появляется не сама рыба, а герой, побеждающий рыбу. Однако в случае известного образа большой рыбы, заглатывающей маленькую (ср. лит. *Kaip žuvis žuvi ruja* ‘Как рыба рыбу пожирает’; рус. *Большая рыба маленькую целиком глотает*; пол. *Wielkie rybu pożerają male* и соответственно во многих европейских языках вплоть до *Piscem vorat maior minorem*), оба противоположных варианта совмещаются.

3) Спасение героя из пасти рыбы-смерти и возвращение его к жизни, в свою очередь, подразумевает воскресение, возрождение (в частности, инициационное) и, в конечном счете, рождение вообще, представляемое как приход души из мира мертвых в мир живых, о чем в развернутом виде и говорится в *третьей главе «Рыба в связи с символикой среднего мира: (воз)рождение, жизнь»*. Рыба, проглотившая героя, в таком случае принимает на себя функцию утробы и, шире, матери, вынашивающей плод. Ср. весьма распространенное в балто-славянской традиции уподобление невесты, женщины, матери рыбе. Так, в Литве слово *žuvis* ‘ры-

ба' издавна употребляется в качестве ласкательного обращения к женщине, жене, подруге, например, *Mano žuvute* 'Моя рыбочка' в словаре Нессельманна 1851 г. (LKŽ XX, 1013) или *Mano žuvute gražioji* 'Моя рыбочка прекрасная' в словаре Бродовского середины XVIII в. с пояснением: «Это самый красивый любовный эпитет литовских женщин» (SLT, 403). Параллелизм рыба–девица/женщина ярко выражен и в латышских дайнах, притом тоже всегда в брачном или, шире, сексуальном контексте:

<i>Maza, maza zivitiņa</i>	‘Маленькая рыбка
<i>Sajauc dūņi ezeriņū;</i>	Смутила илистое озеро;
<i>Maza, maza tautu meita</i>	Маленькая невестка
<i>Pieviļ manu bāleliņu</i>	Увела моего братика’
	(BDS, № 12057-3).

<i>Viena zuve ezerā</i>	‘Одна рыба в озере
<i>Visas dūņas kustināja;</i>	Весь ил мутила;
<i>Viena meita māmiņai</i>	Одна дочь у матушки
<i>Visus puīšus kaitināja</i>	Всех парней дразнила’
	(BDS, № 12057-6).

Параллелизм рыба – девушка очевиден и в русской песне, и также в свадебном контексте, например (песня девичьего цикла):

*Дунай-речка всколыхалася,
В реке рыба разыгралася,
В берега рыба кидалася.
Проведали про рыбиньку
Молоды гребцы-захарьевцы,
Поладили шелковби невода,
Клади плутивья серебряные,
Проволоки позолоченные.
Эту рыбиньку пойзловили,
Эту рыбиньку белуженьку.
Стала рыбинька поплясывати,
Красна девица выспрашивати:
«Каково те, рыбинька, жить без воды?
Таково-то без мила дружка,
Без мила дружка, Иванушки!»... (РНПО, 255, № 374).*

Поэтому не удивительно, что с рыбой связывается появление детей: так, в окрестностях литовского села Гервечай (на тер-

ритории современной Белоруссии) до сих пор о рождении ребенка говорят *žuvys davė*, буквально ‘рыбы дали’, например: *Dar sako: bacėnas atanešė, ė anksčiau – žuvys jam dav[ė] bernioką a mergiotę* ‘Теперь говорят, аист принес, а прежде – рыбы ему дали мальчика или девочку’ (LKŽ XX, 1009).

Образ большой рыбы, проглотившей маленькую, о котором говорилось выше, в данном случае переходит в образ рыбы-матери, вынашивающей рыбу-младенца. При дальнейшем развитии мотива, женщина может зачать просто съев рыбу, о чем речь идет в известном сказочном сюжете (тип АТ 303 и АТ 516) про то, как бездетная царица, съев рыбку, рождает ребенка; также в песнях (ср. моравскую песню: *Zjedla som rybičku, / Narostla mi v brušku* ‘Съела я рыбку, она выросла у меня в животе’ [Гура, 748]) и т.п. Во всяком случае, рыбе часто уподобляется младенец: ср. латышский родильный заговор: *Atver, Dieviņ, kaula vārtus, laid zuvīti no turda ārā* ‘Отвори, Боже, костяные ворота, выпусти рыбку из верши’ (Straubergs 1939-1941, 384); или же полесский заговор от выкидыша: *Шчучька секонца* [вероятно, искаж. *окунец*] *да времја да реченца* [ср. бел. *рачанец*], *и цур его, Господи, и памилуй ее, Господи, рабу Божию (имярек)* (ПЗ, 43, № 34). Ср. также: «*Як зловыла рыбу, шчучку, то точно, ужэ ў положэнне зайшла* (Житомирская обл., Овручский р-н, Журба); *Як рыбину зловить – дытя народыць* (Житомирская обл., Новоград-Волынский р-н, Курчица); *Паймала рыбу – зродиш нешта: шчука – дэвачка, а карась – хлопчык* (Гомельская обл., Петриковский р-н, Комаровичи); *Як жэнчына поймае рыбу – заберемене: як судак, окунь – (родится) хлопец, як шчука – дэвачка* (Киевская обл., Чернобыльский р-н, Копачи); *Калі бабі на часўоҳ прысніце рыбка маленечка – дачка будзе* (Гродненская губ., Волковыский у.)» (Гура, 747-748).

Наконец, рыба выступает и непосредственно в роли мужского порождающего начала. Ср., например, весьма откровенную латышскую песенку:

Meita guļ mauriņā

Zutis lida vēderā.

Nebij zutis, nebij zutis,

Ta bij puiša pipelite.

‘Девка лежит на траве,

Угорь залезает во чрево.

То не угорь, то не угорь,

То удок парня’ (BDS, № 35005).

С этим, в конечном счете, связано тесное отношение рыбы к плодородию и жизненным силам вообще (ср.: *Ja vasarā upēs daudz zivju, tad būs ražīgs gads* ‘Если летом в реках много рыбы, то

будет урожайный год' [Lit, 2157, № 35726] и т.п.), что является характерным признаком «среднего мира». Насчет «жизни» ср. еще слова М.Д. Георгиевского о запрете на продажу добычи кому попало у олонечских рыбаков: «*Я продал ему, – говорил мне однажды один из видных рыбаков нашей местности, – два пуда лещей и, что ты думаешь, после того вот уже две недели не вижу „ж и в о й“, т.е. р ы б ы, в своих ловушках. Ну, он у меня больше не кушит*», в чем Н.А. Криничная усматривает «факт былого наличия условного промыслового языка» (Криничная, 485).

Кстати, в признаке живучести рыбы можно усмотреть отражение мотива «победы над смертью», которую, в свою очередь, олицетворяет Спаситель.

4) Таким образом, мы находим объяснение тому противоречивому на первый взгляд факту, что рыба одновременно является и символом смерти, и символом жизни. Однако зримые противоречия символа рыбы этим не исчерпываются. Еще двум достаточно ярко выраженным парадоксам «рыбы» посвящена *четвертая глава «Рыба в связи с символикой верхнего мира»*, разбитая на две части. В первой из них под названием «*Рыба и небесные светила*» речь идет о том, что рыба, существо, обитающее в нижнем, водном мире, в то же время представляет собой огонь (ср. уподобление рыбы пламени огня в литературе, например, у литовского писателя Юргиса Савицкиса: *Braškejo, sproginėjo žiežerkos, ore šokinėjo liepsnelės ir žuvis iš vandens* 'Трещали искры, в воздухе прыгали языки пламени словно рыба из воды' [LKŽ XX, 1011]), и не только известный парадокс «огня в воде» вообще (ср. прозвище древнеиндийского Агни «Отпрыск вод» и т.п.), но, в частности, и огонь в «небесных водах», т.е. наверху, а именно небесные светила и в первую очередь солнце. Ср. чешский заговор: *Vychází sluníčko z hory ven, jako vy rybičky z vody s tohohle hovátka ouroky vejdi ven!...* 'Выходит солнышко из-за горы, как вы, рыбки и, из воды, выходите, сглазы, из этой скотины!...' (Вельмезова, 197, № 302); русскую загадку *Погляди через ворота – там у к а з о л о т а* (с о л н ц е восходит) (Загадки, 22, № 192) и т.п. В свою очередь, «в ряде языков отмечены ихтионимы, образованные от прилагательного *солнечный*: пол. *slonecznica* [...], чеш. *slunečnice* 'верховка', словц. *slnečnica* 'верховка' (из. чеш.), 'рыбец', с.-хорв. *сунчаница* 'гольян' (*сунчан*, однако здесь нельзя исключить калькирования, ср. нем. *Sonnenfischchen* 'верховка'); чеш. *sluníčko* 'гольян', 'горчак' (ср. другие значения этого слова: 'сол-

нышко', 'божья коровка'). Чешские диалектные формы *slunka*, *slunko*, *slunek* 'верховка', 'гольян' можно интерпретировать как образования от именной основы *slun-(ce)*» (Усачева, 62). Литовское название рыбы *sáulažuvė* 'верховка, овсянка (*Leucaspius delineatus*)' буквально означает 'солнце-рыба' (LKŽ XII, 191) и т.п. Ключ к пониманию образа солнца-рыбы можно найти в повсеместных представлениях о пути солнца по небесным и подземным, в зависимости от смены дня и ночи, водам. По словам В.Н. Топорова, «в тех космогонических версиях, где мировой океан объемлет всю вселенную, с о л н ц е объезжает землю вверху на солнечной ладье, внизу – н а р ы б е, выступающей в качестве ездового животного солярного божества» (Топоров 1982, 392). Ср., например, в этом отношении следующую латышскую дайну:

<i>Saule brauca pār Daugavi,</i>	‘Солнце едет по Даугаве,
<i>Laša kaula kamaniņas:</i>	Саночки из костей лосося:
<i>Asarītis zirgu dzina,</i>	Окунь коня подгоняет,
<i>Rauda tura kamaniņas.</i>	Краснопёрка держит саночки’

(BDS, № 33916).

Наконец, среди множества названий Млечного пути у народов мира встречается и «Невод», и это «название подразумевает, что з в е з д ы – это р ы б ы» (Карпенко, 23). Так, в Литве верили, что «з в е з д н ы е ночи предвещают богатый р ы б о й год» (АК, 10). А в одной литовской колядке девушка, избегая преследований нелюбимого жениха, сначала превращается в рыбу в реке (тема 3-ей главы), а потом с ней происходит вот что:

<i>Žuveļi pagavo, lelimoi,</i>	‘Р ы б к у поймали, лелимой,
<i>Da ne mani jaunū, lelimoi.</i>	Да не меня молодую, лелимой.
<i>O aš pavirtau, lelimoi,</i>	А я превратилась, лелимой,
<i>Danguī žvaigždelē, lelimoi.</i>	На небе в з в е з д о ч к у, лелимой’

(АК, 63).

Вторая часть четвертой главы «*Рыба и птица*» продолжает исследование небесной родословной рыбы. Рыба действительно имеет много общего с птицей: например, плавники рыбы часто называют крыльями и перьями, птичьим перьям уподобляют рыбу чешую и т.п. Так лит. *sparņas* ‘крыло’ принимает значение ‘рыбий плавник’, например: *Sparnas žuvies* ‘Крыло рыбы’ (в

«*Dictionarium trium lingvarum*» К. Сирвида, начало XVII в.); *Sparnai žuvies vadinas pelekai* 'Крылья рыбы называются плавниками' (в «Литовском словаре» А. Юшкевича, 1897–1922); *Žuvys laikos ant sparnų* 'Рыба держится на крыльях'; *Žuvytė sparnais pasivarinėja* 'Рыбка крыльями продвигается' (из живой речи); *Atplaukė žuvelė raudonais sparneliais...* 'Приплыла рыбка с красными крылышками...' (из фольклора); ср. также наименование рыбы *raudonspañnė* 'красноперка', буквально 'краснокрылая', и т.п. (LKŽ XIII, 329; XI, 267). Родственное русское слово *перо* тоже может пониматься, по определению В. Даля, как «рыбье перо, плавник, плавильце, плавательное перо; бывает: хребтовое, плесковое (хвостовое), жабренное, брюшное или красное» (Даль III, 101). В свою очередь, ср. такие славянские наименования рыб, как рус. *красноперка* 'плотва', *красноперик* 'красноперка', 'гольян'; блр. *чирво-напёрка*, *красноперуха* 'красноперка'; укр. *червенопірка*, *красноп'іруха* 'красноперка'; пол. *krasnopiórka*, *ogniopiórka* 'красноперка'; слвц. *červenoperica* 'красноперка'; с.-хорв. *белоперка* 'плотва', *бјелом(м)перка* 'уклейка' и т.п., а также слвц. *рѣѣк* 'окунь', вероятно, от *péro* 'перо' (см. Усачева, 65, 66). Ср. в былинке «Садко»: *А как мне, Садку, только есть одним да мне похвастати, – / Во Ильмень да как во озере / А есте р ы б а как п е р ь я золотые ведь* (РНПЭ, 121–122). Ср. отождествление на этой основе рыбы и птицы в загадках: лит. *Turi sparnus, bet nelekia, neturi kojų, bet nepavysi* 'Имеет крылья, но не летит, не имеет ног, но не догонишь' – «рыба» (MS, 146); рус. *Есть крылья, а не летает, ног нет, а не догонишь* (Даль IV, 116) и т.п.

Наконец, имеются материалы (из балто-славянских традиций – в первую очередь в литовской) о происхождении рыбы из птицы, позволяющие видеть в рыбе своего рода «падшую птицу» и вспомнить при этом известную аллегория (например, у Платона в «Федоне» 109с–110а в Древней Греции, в «Шветашватара упанишаде» 6.15 в Древней Индии и др.) подводного мира как воплощенного, материального существования в противоположность воздушному миру как духовному бытию. Интерес в этом отношении представляет и «обратный» мотив о превращении рыбы в птицу, ярче всего выраженный в китайской традиции (впервые у Чжуан-цзы), интерпретация которого полностью согласуется с указанной аллегорией. И если рыба, произошедшая из птицы, символизирует состояние после «падения», то рыба, сумевшая вернуть себя в состояние птицы, снова указывает путь к спасению.

5) Наконец, одним из наиболее свойственных рыбе в балто-славянской традиции признаков является пестрота, рябость (возможно, даже на уровне этимологии самого русского слова *рыба* (Топоров 1960, 10-11) – ср. рус. *рябец, рябёц* ‘вид форели’, употребление эпитета лит. *raibuõlis* ‘имеющий признак рябости, рябуля’ в отношении именно к рыбе: *Sekundė – ir raibuolis spurdi ant ledo* ‘Секунда – и рябуля бьется на льду’ (LKŽ XI, 46) и т.п.). При этом рябость, или пестрота, как образ смешения, соединения света и тьмы, выражает совмещение противоположностей, свойственное символу «рыбы» (например, жизнь в смерти, огонь в воде, свет во тьме, сознание в бессознательном и т.п.). Поэтому *пятая глава* называется «**Рыба-рябь как объединение оппозиций**». Рыбу в этом смысле действительно можно символически уподобить самой водной ряби (ср. к тому же древнепрусское наименование рыбы налима *wilnis* при лит. *vilnis* ‘волна’, лит. *raibuliaĩ, ribuliaĩ* ‘мелкие волны, рябь’ при *raibuõlis* в отношении к рыбе и т.п.), которая появляется на поверхности воды лишь при дуновении ветра и этим связывается с повсеместно известным космогоническим мотивом Духа, носящегося над водами. В некоторых вариантах того же мотива Дух этот, в свою очередь, предстает в образе птицы, а водная рябь, создаваемая на поверхности воды взмахами крыльев этой космической птицы, заставляет вспомнить рыбу, произошедшую от птицы. Тем более что рыба тесно связана и непосредственно с ветром (ср. такие названия рыб вида *Belone*, как лит. *vėjo žuvis*, буквально ‘рыба ветра’, *vėjažuvė, vėjažuvis, vėžuvis*, лтш. *vējzivs, vējzive*, также нем. *Windfisch*, буквально ‘ветро-рыба’ [LKŽ XVIII 587, 588, XIX 70; Urbutis, 146]; русскую загадку *Щ у к а хвостом махнула, лес погнула* (в е т е р) [Загадки, 24, № 244] и т.п.). Таким образом, к оппозициям, совмещаемым символом рыбы, добавляется «воздух в воде», аллегорически выражающий состояние «духа во плоти», т.е. воплощенное существование в мире. Высвобождение «ветра из воды», связанное с образом успокоения водной поверхности (собственно, волнения), в свою очередь, подразумевает спасение.

В *Заключении* работы подводятся краткие итоги исследования. Символ «рыбы» в балто-славянской традиции богат разнообразными, противоречивыми на первый взгляд значениями, которые могут быть представлены такими оппозициями, как верх –

низ, тьма – свет, земля – небо, вода – воздух, движение – неподвижность, немота – речь, жизнь – смерть, плодородие – бесплодие, мужской – женский и др. Однако при более внимательном изучении это многообразие укладывается в единую семантическую схему. Ее основной стержень составляет оппозиция «жизнь – смерть» или, в динамическом выражении, «умирание – рождение», т.е. переход из мира живых в мир мертвых и обратно, что может быть представлено и в виде аллегории духовного воскресения в противоположность земному существованию. Символика рыбы в балтославянской традиции поэтому вполне предрасположена к восприятию символа рыбы-Спасителя и тем самым позволяет лучше понять его возникновение как в христианской, так и некоторых других «высоких» традициях, являясь как бы плодородной бессознательной почвой для его прорастания.

Символика «рыбы» многообразно связана с символикой «воды»: поскольку водоем, особенно море, символизирует сферу смерти, мир мертвых и путь в нижний мир, постольку рыба становится символом души умершего, а сама смерть представляется как превращение в рыбу. Поскольку вода является источником новой жизни и водоем сопоставляется с утробой, постольку рыба есть символ новорожденного и (воз)рождения, плодородия, жизни вообще. Показательно, что рождение описывается в образах рыбной ловли. С другой стороны, море, в противоположность воздушному пространству, может символизировать и мир живых, воплощенное существование – в противоположность бытию бестелесному, духовному, по отношению к которому материальный мир представляет «смерть». И тогда рыба символизирует существо материального мира и противопоставляется птице как существу мира духовного. Превращение птицы в рыбу в этом случае означает воплощение души и рождение, а осуществление рыбой своей «птичьей природы» подразумевает духовное освобождение. Однако в обоих случаях сохраняется общая схема «жизнь (телесная / духовная) – смерть (развоплощение / воплощение)», которую можно наложить на вертикальную ось трехъярусной модели мира («нижний мир – средний мир – верхний мир»). Таким образом амбивалентность концепта «рыбы» в проекции на соответствующие уровни преобразуется в системность и цельность.

Вертикальная ось традиционной модели мира отражается в самой структуре настоящей работы – имеются в виду главы вторая, третья и четвертая, посвященные соответственно нижнему,

среднему и верхнему миру. Тем самым раскрывается основная идея первой главы «Ядро архетипа „рыбы”», которая вводит в проблему символики «рыбы» вообще. В последней главе работы «Рыба-рябь как объединение оппозиций» анализируется то, как внешний облик рыбы (пестрая, «рябая») является одновременно указанием на амбивалентность и снятием противоречий, т.е. нейтрализацией основных, описывающих «рыбу» оппозиций (см. выше), прежде всего оппозиции свет – тьма. Символика «рыбы» в балто-славянской традиции, таким образом, укладывается в достаточно четкую структуру, в которую вписывается весь представленный в работе материал.

Особая тема – отражение семантики «рыбы» в балто-славянской ихтиологической лексике. В конце работы в виде приложения приведен соответствующий «ихтиологический глоссарий» – некоторые лексемы, имеющие прозрачные мифологические коннотации.

Список опубликованных работ по теме диссертации:

- 1) Sutvėrimas: „kūrybinės” žodžio reikšmės motyvacija (Творение: мотивация «творческого» значения слова) // *Liaudies kultūra*. – Vilnius, 2000, Nr. 2, p. 8–13.
- 2) Ryto ratų ritimai: pagrindinio kosmologinio modelio rekonstrukcija su etimologiniais priedainiais (Повороты утреннего круга: реконструкция космологической модели с этимологическими дополнениями). – Vilnius, 2000, 229 p.
- 3) Maginė pasaulėžiūra: keletas įvadinių pastabų (Магическое мировоззрение: несколько вводных замечаний) // *Liaudies kultūra*. – Vilnius, 2001, Nr. 3, p. 53–63.
- 4) Мать Майя. Размышления по поводу двух литовских омонимов: *mója* ‘мать’ и *moja* ‘мах’ // Балто-славянские исследования XV. – Москва, 2002, стр. 279–333.
- 5) О местном индоевропейском субстрате в некоторых христианских именах собственных (лит. *Jėnas*, лтш. *Jānis* в связи с лат. *Iānus*, др.-инд. *yāna-* и др.) // Балто-славянские исследования XV. – Москва, 2002, стр. 334–359.
- 6) Indoiranėnų mitinio vėjo atitikmenys lietuvių tautosakoje (užuominos Gilesniam tyrimui) (Соответствия индоиранского мифического ветра в литовском фольклоре (замечания для более глубокого исследования)) // *Acta Orientalia Vilnensia*, t. III. – Vilnius, 2003, p. 37–47

- 7) Vedų „širdies vandenynas“: įvaizdžio sąsajos («Океан сердца» в Ведах: связи образа) // Acta Orientalia Vilnensia, t. IV. – Vilniaus universiteto leidykla, 2004, p. 105–111 .
- 8) (В соавторстве с Т.В. Цивьян) Еж в космогонических преданиях (балто-балканский ареал) // Перекрестки культур: Этноконфессиональные процессы в балтийском регионе, взаимовлияния и дивергенции. – Санкт-Петербург, 2004, стр. 39–40

Список сданных в печать работ по теме диссертации:

- 1) Рыба – существо нижнего, потустороннего мира, смерть // Балто-славянские исследования XVII. – Москва (в печати).
- 2) *Vėjūkas*: lietuvių „blogojo“ vėjo vardo ir įvaizdžio rekonstrukcija, atsižvelgiant į vieną skitų atitikmenį (osetinų *wæjug / wæjyg*) (*Vėjūkas*: реконструкция имени и образа литовского «плохого» ветра с обращением к одному скифскому соответствию (осетинский *wæjug / wæjyg*)). – Vilnius (в печати).

Список сокращений

- Афанасьев I–III – А.Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – Москва, 1995.
- Белова 2000 – О.В. Белова. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. – Москва, 2000.
- Белова 2004 – «Народная библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Составление и комментарии О.В. Беловой. – Москва, 2004.
- Вельмезова – Е.В. Вельмезова. Чешские заговоры: Исследования и тексты. – Москва, 2004.
- Виноградова 1995 – Л.Н. Виноградова. Откуда берутся дети? Полесские формулы о происхождении детей // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. – Москва, 1995.
- Виноградова 1998 – Л.Н. Виноградова. Духи, вселяющиеся в человека // *Studia mythologica Slavica*, 1. – Ljubljana-Pisa, 1998.
- Виноградова 1999 – Л.Н. Виноградова. Материальные и бестелесные формы существования души // Славянские этюды: Сборник к юбилею С. М. Толстой. – Москва, 1999.
- Виноградова 2000 – Л.Н. Виноградова. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – Москва, 2000.

- Гамкрелидзе, Иванов – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Издательство Тбилисского университета, 1984.
- Гура – А.В. Гура. Символика животных в славянской народной традиции. – Москва, 1997.
- Даль I–IV – В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I–IV. – Москва, 1981–1982.
- Дучыц, Санько – Л. Дучыц, С. Санько. Рыба // Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік. – Мінск, 2004.
- Забылин – М. Забылин. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – Москва, 1880 (репринтное воспроизведение: Симферополь, 1992).
- Загадки – Загадки / Издание подготовила В.В. Митрофанова. – Ленинград, 1968.
- Иванов, Топоров 1965 – Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). – Москва, 1965.
- Иванов, Топоров 1974 – Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. – Москва, 1974.
- Калевала – Калевала / Перевод Л.П. Бельского. – Петрозаводск, 1985.
- Криничная – Н.А. Криничная. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов, т. I: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». – Санкт-Петербург, 2001.
- Левкиевская – Е.Е. Левкиевская. Мифы русского народа. – Москва, 2002.
- Мещеряков – А.Н. Мещеряков. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. – Москва, 2004.
- Михайлов – Н.А. Михайлов. Фрагмент словенской мифологической традиции // Концепт движения в языке и культуре. – Москва, 1996.
- МНМ I, II – Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах, т. I. – Москва, 1980; т. II. – Москва, 1982.
- Мокиенко – В.М. Мокиенко. Словарь сравнений русского языка. – Санкт-Петербург, 2003.
- Невская 1983а – Л.Г. Невская. Представление о пестроте в языке и фольклоре // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане (Тезисы докладов второй балто-славянской конференции, Москва, 29 ноября – 2 декабря 1983 г.). – Москва, 1983.
- Невская 1984 – Л.Г. Невская. Лит. *margas* (семантические связи постоянного эпитета) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. – Москва, 1984.

- Невская 1986 – Л.Г. Невская. К семантике пестрого в балто-славянском // *Этимология* 1984. – Москва, 1986.
- Невская 1986а – Л.Г. Невская. К типологии пестрого в балто-славянском // *Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии, категория посессивности*. – Москва, 1986.
- НРС I–III – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. – Москва, 1958.
- Павлович – Н.В. Павлович. Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – Москва, 2004.
- ПЗ – Полесские заговоры (в записях 1970-1990-х гг.) / Составление, подготовка текстов и комментарии Т.А. Агапкиной, Е.Е. Левкиевской, А.Л. Топоркова. – Москва, 2003.
- Потебня – А.А. Потебня. Символ и миф в народной культуре: Собрание трудов. – Москва, 2000.
- Пропп 1976 – В.Я. Пропп. Фольклор и действительность: Избранные статьи. – Москва, 1976.
- Пропп 1998 – В.Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки // Он же. Собрание трудов: Морфология (волшебной) сказки [С. 5-111]; Исторические корни волшебной сказки [С. 112-436]. – Москва, 1998.
- РЗЗ – Русские заговоры и заклинания / Под редакцией профессора В.А. Аникина. – Москва, 1998.
- РНПО – Русская народная поэзия: Обрядовая поэзия / Составление, подготовка текста и др. К. Чистова и Б. Чистовой. – Ленинград, 1984.
- РНПЭ – Русская народная поэзия: Эпическая поэзия / Составление, подготовка текста и др. В. Путилова. – Ленинград, 1984.
- РС – М. Власова. Русские суеверия. – Санкт-Петербург, 2000.
- РФ – Русский фольклор. Хрестоматия / Составители: Т.В. Зуева, Б.П. Кирдан. – Москва, 2001.
- СБ – Средневековый bestiарий. – Москва, 1984.
- СД I, II – Славянские древности: Этнолингвистический словарь в пяти томах. Под редакцией Н. И. Толстого, т. I–II. – Москва, 1995-1999.
- СМ – Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Издание 2-е, исправленное и дополненное. – Москва, 2002.
- Тайлор – Э.Б. Тайлор. Первобытная культура. – Москва, 1989.
- Топоров 1960 – В.Н. Топоров. Из праславянской этимологии // *Этимологические исследования по русскому языку*, вып. I. – Издательство Московского университета, 1960.
- Топоров 1982 – В.Н. Топоров. Рыба // *Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах*, т. II. – Москва, 1982.
- Тресиддер – Дж. Тресиддер. Словарь символов. – Москва, 1999.

- Усачева – В.В. Усачева. Славянская ихтиологическая терминология: Принципы и способы номинации. – Москва, 2003.
- Успенский 1982 – Б.А. Успенский. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). – Москва, 1982.
- Фасмер I–IV – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I–IV. – Санкт-Петербург, 1996.
- Фрэзер 1990 – Дж.Дж. Фрэзер. Фольклор в Ветхом Завете. – Москва, 1990.
- Фрэзер 1998 – Дж.Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. – Москва, 1998.
- Черных I–II – П.Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка, т. I–II. – Москва, 1999.
- Элиаде 1996 – М. Элиаде. Мифы, сновидения, мистерии. – Москва, Киев, 1996.
- Элиаде 1998 – М. Элиаде. Священные тексты народов мира. – Москва, 1998.
- Элиаде 1999 – М. Элиаде. Очерки сравнительного религиоведения. – Москва, 1999.
- Элиаде 1999а – М. Элиаде. Йога: Бессмертие и свобода. – Санкт-Петербург, 1999.
- Элиаде 2000 – М. Элиаде. Шаманизм: Архаические техники экстаза. – Киев-Москва, 2000.
- ЭС – Энциклопедия суеверий / Составители: Э. и М.А. Рэдфорд (английские суеверия); Е. Миненок (русские суеверия). – Москва, 1998.
- Юнг 1997 – К.Г. Юнг. Aion: Исследование феноменологии самости. – Москва, Киев, 1997.
- АК – Atvažiuoja Kalėdos: Advento-Kalėdų papročiai ir tautosaka / Sudarė Nijolė Marcinkevičienė, Eugenija Venskauskaitė. – Vilnius, 2000.
- Balys I–IV – J. Balys. Raštai, t. I–IV. – Vilnius, 1998–2003.
- BDS – Krišjāņa Barona Dainu skapis // <<http://www.dainuskapis.lv>>.
- BE – Burtai, Panevėžio apsk. J. Elisono surinkti // Tauta ir žodis, t. III. – Kaunas, 1925.
- Becker – U. Becker. Simbolių žodynas. – Vilnius, 1995.
- Biedermann – H. Biedermann. Naujasis simbolių žodynas. – Vilnius: Mintis, 2002.
- BLP I, II – Lietuviškos pasakos / Surinko Jonas Basanavičius, t. I, II. – Vilnius, 2001, 2003.
- BLP I – Lietuviškos pasakos įvairios / Surinko Jonas Basanavičius, t. I. – Vilnius, 1993.

- BRMŠ I – Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai, t. I: Nuo seniausių laikų iki XV amžiaus pabaigos / Sudarė Norbertas Vėlius. – Vilnius, 1996.
- BRMŠ II – Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai, t. II: XVI amžius / Sudarė Norbertas Vėlius. – Vilnius, 2001.
- BRMŠ III – Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai, t. III: XVII amžius / Sudarė Norbertas Vėlius. – Vilnius, 2003.
- Būga I–III – K. Būga. Rinktiniai raštai, t. I–III. – Vilnius, 1958–1962.
- Būgienė – L. Būgienė. Mitinis vandens įprasminimas lietuvių sakmėse, padavimuose ir tikėjimuose // Tautosakos darbai, t. XI (XVIII). – Vilnius, 1999.
- BV – Iš gyvenimo vėlių bei velnių / Surinko Jonas Basanavičius. – Vilnius, 1998.
- Chantraine – P. Chantraine. Dictionaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. – Paris, 1968.
- Chevalier, Gheerbrant – J. Chevalier, A. Gheerbrant. A Dictionary of Symbols. – London, 1996.
- Dölger – F.J. Dölger. IChThYS: Das Fischsymbol in fruhchristliche Zeit, Bde. I–IV. – Rome und Münster, 1910–1927.
- DS – A Dictionary of Superstitions / Edited by Iona Opie and Moira Tatem. – Oxford University Press, 1992.
- DŽT I – S. Daukantas. Žemaičių tautosaka, t. I: Dainos / Parengė V. Jurgutis, B. Kazlauskienė. – Vilnius, 1983.
- DŽT II – S. Daukantas. Žemaičių tautosaka, t. II: Pasakos, patarlės, mįslės / Parengė K. Aleksynas, K. Grigas, L. Sauka. – Vilnius, 1984.
- Eliade – M. Eliade. Yoga: Immortality and Freedom. – Princeton University Press, 1971.
- Elisonas – J. Elisonas. Mūsų krašto fauna lietuvių tautosakoje // Mūsų tautosaka / Red. prof. V. Krėvė-Mickevičius, t. V. – Kaunas, 1932.
- Fraenkel – E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. – Heidelberg, Göttingen, 1962–1965.
- Frisk I, II – H. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, Bde. I, II. – Heidelberg, 1960–1970.
- FW – Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology, and Legend / Ed. Maria Leach. – New York, 1949.
- Greimas – A.J. Greimas. Tautos atminties beiėškant. Apie dievus ir žmones. – Vilnius-Chicago, 1990.
- Grigas – K. Grigas. Patarlių paralelės. – Vilnius: Vaga, 1987.
- Herder – The Herder Symbol Dictionary: Symbols from Art, Archaeology, Mythology, Literature, and Religion. – Wilmette (Illinois), 1986.

- Hillman – J. Hillman. *Loose Ends: Primary Papers in Archetypal Psychology*. – Dallas, 1975.
- Jobes – G. Jobes. *Dictionary of Folklore, Mythology and Symbols*. – N.Y., 1962.
- Karulis I-II – K. Karulis. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca, sēj. I–II*. – Rīga, 1992.
- KAŽ – *Kaip atsirado žemė: Lietuvių etiologinės sakmės / Sudarė ir parengė Norbertas Vėlius*. – Vilnius, 1986.
- Klein – *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language by Dr. Ernest Klein*. – Amsterdam etc., 2003.
- KLT – *Klaipėdiškių lietuvių tautosaka / Redagavo J. Balys // Tautosakos darbai, t. VII*. – Kaunas, 1940.
- Kursīte – J. Kursīte. *Latviešu folklorā mītu spoguļi*. – Rīga, 1996.
- Laurinkienė 1990 – N. Laurinkienė. *Mito atšvaitai lietuvių kalendorinėse dainose*. – Vilnius, 1990.
- LD – *Laumių dovanos: Lietuvių mitologinės sakmės / Paruošė Norbertas Vėlius*. – Vilnius, 1979.
- LKPŽ – *Lietuvių kalbos palyginimų žodynas / Sudarė K.B. Vosylytė*. – Vilnius, 1985.
- LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas, t. I–XX*. – Vilnius, 1956–2002.
- LT II – *Lietuvių tautosaka, t. II: Dainos, raudos / Medžiagą paruošė V. Barauskienė, B. Kazlauskienė, B. Uginčius*. – Vilnius, 1964.
- LT III – *Lietuvių tautosaka, t. III: Pasakos / Medžiagą paruošė L. Sauka, A. Seselskytė*. – Vilnius, 1965.
- LT IV – *Lietuvių tautosaka, t. IV: Pasakos, sakmės, pasakojimai, oracijos / Medžiagą paruošė L. Sauka, A. Seselskytė, N. Vėlius, K. Viščinis*. – Vilnius, 1967.
- LTT – *Latviešu tautas teikas: Izcelšanās teikas. Izlase / Sastādītāja Alma Ancelāne*. – Rīga, 1991.
- Ltt – *Latviešu tautas ticējumi / Sakrājis un sakārtojis Prof. P. Šmits*. – Rīgā, 1940.
- Mayrhofer I–III – M. Mayrhofer. *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. A Concise Etymological Sanskrit Dictionary, Bde. I–III*. – Heidelberg, 1956–1976.
- Mannhardt – W. Mannhardt. *Letto-Preussische Götterlehre*. – Riga, 1936.
- Maziulis I–IV – V. Maziulis. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas, t. I–IV*. – Vilnius, 1988–1997.
- MS – *Mįslių skrynelė: 3000 lietuvių mįslių ir minklių / Sudarytojas Stasys Lipskis*. – Vilnius, 2002.

- Opie, Tatem – A Dictionary of Superstitions / Edited by Iona Opie and Moira Tatem. – Oxford University Press, 1992.
- Pokorny – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. – Bern-München, 1959.
- Rėza – L. Rėza. Lietuvių liaudies dainos, t. I. – Vilnius, 1958.
- RSPS – Lietuvių rašytojų surinktos pasakos ir sakmės / Parengė Bronislava Kerbelytė. – Vilnius, 1981.
- Scheftelowitz – J. Scheftelowitz. Das Fischsymbol im Judentum und Christentum // Archiv für Religionswissenschaft, Bd. XIV. – Leipzig, 1911.
- SDŽ – S. Stanevičius. Dainos žemaičių. – Vilnius, 1954.
- SLT – Smulkioji lietuvių tautosaka XVII-XVIII a.: priežodžiai, patarlės, mįslės / Paruošė Jurgis Lebedys. – Vilnius, 1956.
- SSS – Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja: Jerzy Bartmiński. Tom I: Kosmos, 2: Ziemia, woda, podziemie. – Lublin, 1999.
- Straubergs 1939-1941 – K. Straubergs. Latviešu būramie vārdi, I–II. – Rīgā, 1939–1941.
- Šmits – P. Šmits. Latviešu Mītoloģija / Otrs pārstrādāts izdevums. – Rīgā, 1926.
- TPD – Teikas par Dievu: Izlase. – Rīgā, 1929.
- Urbutis – V. Urbutis. Baltų etimologijos etiudai. – Vilnius, 1981.
- Walde, Hofmann I-II – Lateinisches etymologisches Wörterbuch von A. Walde / 3., neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann, Bde. I-II. – Heidelberg, 1938-1954.
- Vėlius 1977 – N. Vėlius. Mitinės lietuvių sakmių būtybės: laimės, laumės, aitvarai, kaukai, raganos, burtininkai, vilktakiai. – Vilnius, 1977.
- Vėlius 1983 – N. Vėlius. Senovės baltų pasaulėžiūra: Struktūros bruožai. – Vilnius, 1983.
- Vėlius 1987 – N. Vėlius. Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis. – Vilnius, 1987.
- VKLT – Vilniaus krašto lietuvių tautosaka / Spaudai paruošė Dr. J. Balys // Tautosakos darbai, t. IV. – Kaunas, 1938.
- Vries 1962 – J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. – Leiden, 1962.
- Vries 1976 – A. de Vries. Dictionary of Symbols and Imagery. – Amsterdam-London, 1976.

Подписано в печать 30.11.2004
Объем 1,3 п.л. Тираж 100 экз.
Компьютерный центр ИСл РАН – ritlen@mail.ru

